русский
пионер

№6(48) сентябрь 2014

ISSN 2071-3037

литературный иллюстрированный журнал

ДЕТЯМ ДО 16-ТИ НЕ ВЕРИТЬ

Клятва главного редактора *стр. 6*

первая четверть

Урок истории. Единицы. **Вера Полозкова** о том, как она не стала Федором *стр. 18*
Урок информатики. Плакать с плачущими. **Владимир Легойда** о том, зачем нужна исповедь *стр. 22*
Урок уроков. Тайна Того, Кто. **Митрополит Иларион** о том, что Бог никогда не обижается на нас *стр. 26*
Урок правды. Симпатизирующий. **Иван Охлобыстин** о своей вере *стр. 28*
Урок литературы. Как проступает Бог. **Иван Юркович** о противоречиях между опытом Божьей любви и Его незримостью *стр. 30*
Урок музыки. Антигравитация. **Юрий Шевчук** о том, как наплевать на земное притяжение *стр. 32*
Урок этики. Подчинение без доминирования. **Юрий Каннер** о домашних отношениях с Богом *стр. 34*
Урок философии. Credo. **Александр Кабаков** о том, что его ощущения суть знания и что верит, ибо абсурдно *стр. 36*
Урок рисования. Иконовидение. **Андрей Макаревич** о том, где кончается икона-картина и начинается икона-чудо *стр. 40*
Прогул уроков. При чем здесь Бог. **Вячеслав Муругов** о вере в кино *стр. 42*

вторая четверть

Пионер-герой. Who is Иван Яковлевич.
Обозреватель «РП» заглядывает в будущее *стр. 46*
Следопыт. Кто поедет в Тависток.
Наш корреспондент раскрывает тайну «Битлз», Феликса Дзержинского и мирового правительства *стр. 54*

третья четверть

Диктант. Не стяжать. В тему номера *стр. 64*
Урок обществоведения. Записки крестоходца. Обозреватель «РП» прошел 150 километров *стр. 66*
Урок поэзии. Поэт Орлуша в собственной манере поразмышлял о книгах и о вере.
Стихи **Андрея Орлова (Орлуши)** *стр. 72*
Сочинение. Казнить нельзя помиловать.
Майк Гелприн *стр. 76*
Комикс **Андрея Бильжо** *стр. 83*

четвертая четверть

Урок мужества. Двойник. Обозреватель «РП» в костюме *стр. 88*
Дневник наблюдений. Люстдорф. Из дневников **Константина Богомолова** *стр. 94*

группа продленного дня

Запевала. Такое время, такая вера. **Диана Арбенина** о том, что стыд — катализатор совести *стр. 100*
Правофланговый. Рисковать — так с Богом. **Павел Великанов** о том, что вера — дело рискованное *стр. 102*
Знаменосец. Между Небом и землей. **Всеволод Чаплин** о том, как он впервые увидел Бога *стр. 104*
Физрук. Веротворение. **Гейб Польски** о том, почему «красная армия» всех сильней была *стр. 106*
Завуч. Тоже, конечно, чудо. **Алексий Уминский** о том, как все причудливо переплелось *стр. 108*
Правофланговая. Выше ноля. **Джахан Поллыева** об оттепелях и заморозках *стр. 110*
Отличник. «И вот тут на меня что-то сошло». **Владимир Хотиненко** о том, почему его так мучили бесы *стр. 114*
Библиотекарь. Уже не люди. **Сергей Кравец** о том, что обязательно нужно строить *стр. 116*
Пионервожатая. Бездоказательность. **Мария Голубкина** о том, почему не ищет смысл жизни *стр. 118*
Пионервожатый. За русскую душу! **Виктор Ерофеев** о вопросе веры *стр. 120*
Звеньевой. Все меньше и меньше. **Андрей Бильжо** про свою веру в людей *стр. 124*
Горнист/Энотека. Запечатала. **Вита Буйвид** о странном запахе *стр. 128*
Всегда готово. Лунный омлет, или Все тайское становится явным. **Николай Фохт** и секреты тайской кухни *стр. 132*
Списано с ruspioner.ru. Тексты победителей литературного конкурса «РП» *стр. 138*
Урок правды шеф-редактора. Подведение итогов *стр. 143*

Первая четверть.

Урок истории. Единицы. **Вера Полозкова** о том, как она не стала Федором. *Урок информатики.* Плакать с плачущими. **Владимир Легойда** о том, зачем нужна исповедь. *Урок уроков.* Тайна Того, Кто. **Митрополит Иларион** о том, что Бог никогда не обижается на нас. *Урок правды.* Симпатизирующий. **Иван Охлобыстин** о своей вере. *Урок литературы.* Как проступает Бог. **Иван Юркович** о противоречиях между опытом Божьей любви и Его незримостью. *Урок музыки.* Антигравитация. **Юрий Шевчук** о том, как наплевать на земное притяжение. *Урок этики.* Подчинение без доминирования. **Юрий Каннер** о домашних отношениях с Богом. *Урок философии.* Credo. **Александр Кабаков** о том, что его ощущения суть знания и что верит, ибо абсурдно. *Урок рисования.* Иконовидение. **Андрей Макаревич** о том, где кончается икона-картина и начинается икона-чудо. *Прогул уроков.* При чем здесь Бог. **Вячеслав Муругов** о вере в кино.

из личного архива

Единицы

текст: вера полозкова рисунок: инга аксенова

Поэт Вера Полозкова признается читателям нашего журнала, что должна была родиться, конечно, Федором, да вот не вышло. А о том, что вышло и как все ее боги постепенно перестали взаимно исключать друг друга и начали помогать друг другу и Вере, — в колонке для «РП».

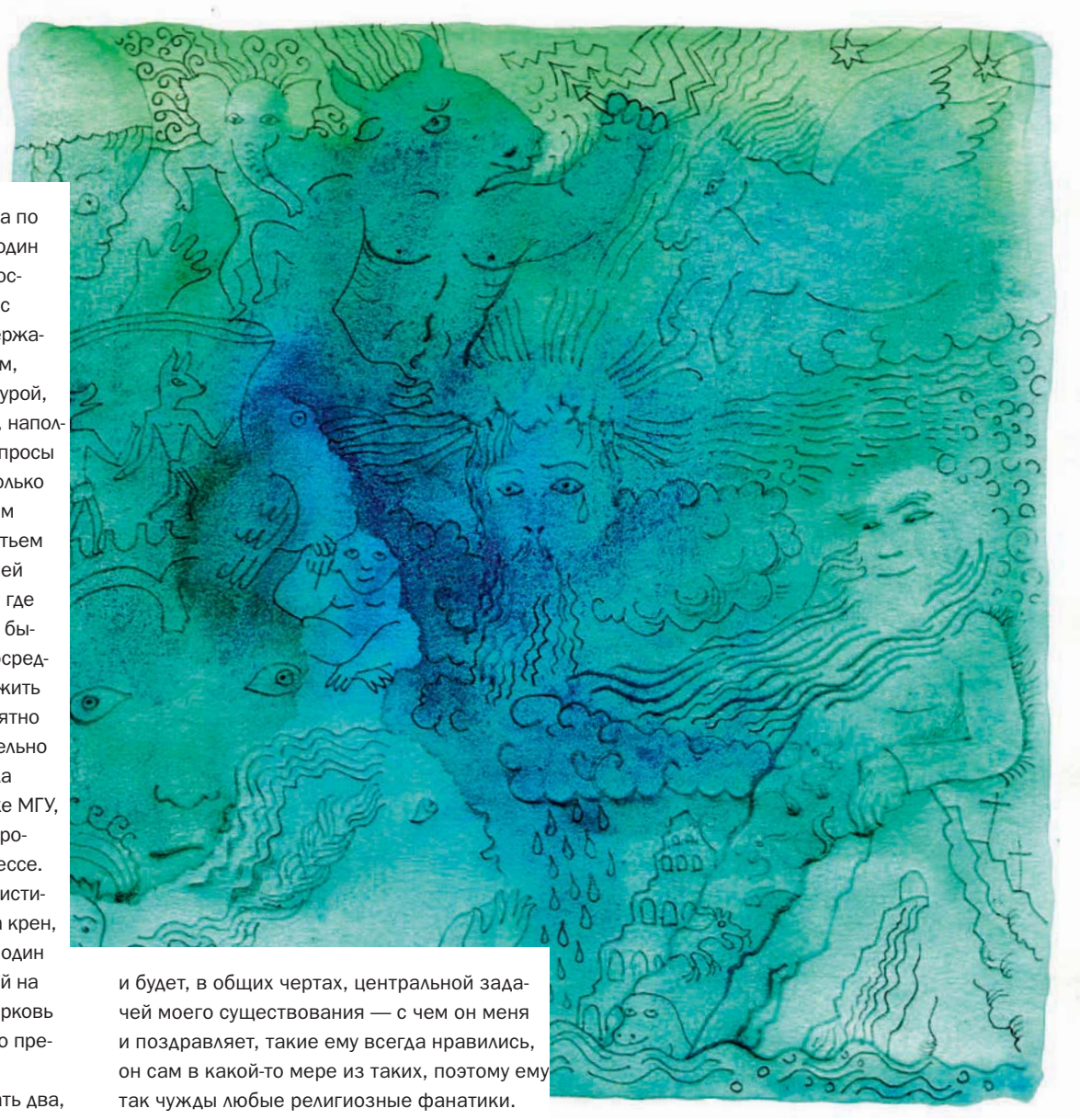
Я ДОЛЖНА была быть Федором. УЗИ тогда делали редко, и оно считалось вредным: когда маме в роддоме показали кареглазую лохматую девчонку, мама несколько растерялась. В палату приносили открытки «Поздравляем с Федорой!». Месяц примерно я пробыла, для простоты, «девочкой моей», а потом стала наконец Верой.

Верой Николаевной Комиссаржевской была моя бабушка — из тех самых Комиссаржевских, восходивших к Вере Федоровне. Все девочки в роду — Веры или Надежды, все мальчики — Николаи или Федоры. Мама с папой, Колей Комиссаржевским, женаты не были и на момент моего рождения уже расстались. Но я была настолько в папину породу, что сомнений в выборе не оставалось.

Это древнее и редкое имя; в детстве среди радостного изобилия Наташ, Кать и Насть я знала всего одну свою тезку, и это мне нравилось; еще меня радовало, что из лаконичного моего имени почти невозможно нарезать сомнительных кратких форм вроде Шуры, или Аси, или Милы. Зато каждый из близких маминых и моих друзей изобретал какую-то свою ласкательную: из жизнеутверждающего Верунчик или Верун, которым я проходила все детство, впоследствии спрессовался емкий Врун, который многое отражал: в частности, сильную мою склонность преувеличивать и присочинять.

И именины мои, делимые с Надеждой, Любовью и Софьей, усиливали ощущение причастности к некой древности; в русском языке всего три женских имени, означающих, без перевода, некоторые сущностные понятия, и мне будто досталось представлять самое суровое и принципиальное, не терпящее шуток и сантиментов. В том, как меня назвали, заключался важный вопрос, на который мне предстояло найти ответ.

Дети набожны: мировосприятие их подразумевает постоянное, почти зримое присутствие Того, Кто Все Так Придумал; православная русская обрядность, ритуальность и подавно завораживает детей, заставляет их воображение бешено работать; мой первый в жизни стихотворный текст, продиктованный маме

в возрасте лет пяти, был про персонажа по имени Воскрес (мне казалось, это все один и тот же человек — Иисус, Христос и Воскрес): «Воскрес владелец мира, Воскрес и есть таков». Бога во внутреннем содержании детства было очень много, диалогом, а то и спором с воображаемой его фигурой, сближающейся с идеальной отцовской, наполнены были сны и размышления; все вопросы были об этом: как это, если Он есть, столько еще зла, куда Он прячет прошлое, каким Ему все это кажется со стороны? В третьем классе в школе начались «Мифы Древней Греции», а с ними отдельная вселенная, где богов множество, далеко не все из них бывают правы, каждое их движение непосредственно отражается на мире людей, и жить им поэтому ох как непросто, но невероятно интересно. В тринадцать лет я окончательно определилась с профессией и поступила в школу юного журналиста при журфаке МГУ, где среди прочей рекомендованной к прочтению литературы был «Сиддхартха» Гессе. Так строгая, подчиненная вертикали христианская парадигма мироощущения дала крен, появился и засуществовал внутри еще один Бог, повелитель горизонтали, вещавший на каких-то совсем других частотах, и в церковь я ходить перестала (за что мама на мою преподавательницу еще долго имела зуб). Впоследствии мне предстояло в двадцать два, как астронавту, приземлиться в Индии и проехать ее по диагонали, чтобы быть представленной еще десятку-другому могущественных божеств, близко подружиться с буддистами, а затем оказаться в невероятном паломничестве по Непалу и Вриндавану с вайшнавами, чтобы дождаться и пронаблюдать, как все мои боги понемногу перестают взаимно исключать друг друга, а начинают быть лицами одной силы, одного закона, который никогда не переставал быть и которого все мы — только мелкие следствия.

Один мудрый человек, монах, духовный учитель из тех немногих, что составляют ум и сердце любого верования, как-то сказал мне, что меня никогда не удовлетворит никакая готовая религиозная система, никакой заведомый набор ответов на вопросы и аксиом, что я из тех, кто всю жизнь по крупицам собирает свою собственную религию, пробуя все и сомневаясь в каждой, и что это и будет, в общих чертах, центральной задачей моего существования — с чем он меня и поздравляет, такие ему всегда нравились, он сам в какой-то мере из таких, поэтому ему так чужды любые религиозные фанатики. Тогда мне стало не страшно: раньше мне казалось, что этот мучительный поиск обязательно должен приводить к какой-то математической однозначности, точной цифре. Теперь чем дольше я наблюдаю за людьми, тем милее мне вечные вольноопределяющиеся: крестящие детей и цитирующие древних суфиев, урожденные мусульмане, а в зрелости мастера цигун, последователи китайских учителей дзен, свободно ориентирующиеся в текстах прославленных католических богословов; Борис Борисович Гребенщиков, из выпуска в выпуск своей программы «Аэростат» поднимающий все новые и новые неизвестные труды мудрых всех народов и времен, твердящие в основном о том, как важно жить текущим моментом, настаивать на любви и не слишком обольщаться насчет вещественного мира. Теперь религиозные споры утратили для меня былую остроту, возможность установления какой-то новой, максимально близкой границы истины. Мне достаточно посмотреть, как человек общается со своим ребенком, чтобы понять, в каких примерно он отношениях с вечностью: даже если он закоренелый материалист, для которого нет ни кармы, ни Аида, ни Страшного суда, Бог может населять его ничуть не в меньшей степени, чем моего знакомого садху из Вриндавана или батюшку из Переславля, — потому что он искренне служит людям, предан любимому ремеслу, помнит о собственной малости в масштабе вселенной и оттого, как правило, легок, беспечен и хорошо смеется. Вот по этому смеху я и узнаю своих, одноверцев: он одновременно и свидетельство способности изумляться стройности Господнего замысла, и доверие ему, и констатация собственной незначительности, но и редкой удачливости: ведь все это явлено всем в равной степени, а радоваться умеют — единицы. ⓟ

ВЛАДИМИР ЩТОКИН

Плакать с плачущими

текст: владимир легойда

Председатель Синодального информационного отдела Московского Патриархата Владимир Легойда рассказывает о том, зачем нужна исповедь: мы сами себя простить не можем — только обмануть. А также вы узнаете, как вас может окрикнуть бабушка на территории Даниловского монастыря, если вы идете с руками за спину, и как это может повлиять на вашу жизнь. Владимир Легойда — о том, зачем.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ. ЗЛЫЕ БАБУШКИ

Много лет назад мои первые робкие шаги по территории Даниловского монастыря были сразу прерваны резким окриком проходившей мимо бабули: «Почему руки за спиной держите? Нельзя. Ходите тут, *оскверняете*…» Конечно, гораздо лучше было бы, если б она тихонько и с кроткой улыбкой сказала мне: «Сынок, в храме не принято стоять или ходить вот так…» Тогда во мне закипело «благородное негодование». Повод, конечно, понятен. Вот я, такой весь измучившийся и исстрадавшийся (а главное, весь такой умный, хороший и вообще молодец), решил наконец пойти в Церковь… И что в ответ? Вместо хлеба-соли и условных красных дорожек под ноги — холод непонимания, грубость и вообще, полное игнорирование моего благородного порыва!

Кажется, я ничего не ответил тогда «злой бабушке», но весь кипел, быстро выходя из монастыря… «Нет, и в Церкви все не так!» Прошло некоторое время, и, когда душе стало совсем невмоготу, я буквально *приполз* в храм и пошел на исповедь. Тогда мне уже было все равно, кто что говорит и как на меня смотрит. Так хотелось глотнуть свежего воздуха, что даже какие-то окрики либо не воспринимались вообще, либо как «так тебе и надо!».

Говорят, Церковь — это больница, место для страдающих душой. Недаром перед исповедью священник говорит кающимся: *«Понеже бо пришел еси во врачебницу, да не неисцелен отыдеши» («Ты пришел в больницу, да не уйдешь отсюда неисцеленным»)*. А что главное для больного? Получить действенное лекарство. Конечно, хорошо бы, чтобы весь обслуживающий персонал сочувствовал тебе и мило улыбался, раскрывая перед тобой двери. Наверное, это тоже помогает выздоровлению. Но в жизни так бывает не всегда. И у гениального врача может быть скверное настроение, и уборщица может позволить себе поворчать в ваш адрес, когда вы не вытерли ноги и идете в грязных башмаках по полу, и даже улыбчивая красавица на

ресепшене в дорогой клинике может сказать что-то такое, что вам не понравится. Но ведь от этого мы не откажемся от лекарства! Не к красавице же пришли, а к врачу. И не за вежливостью персонала, а за лекарством. Я не считаю, что «злые старушки» — это хорошо. Это плохо, и в идеале этого быть не должно. Но идущему в Церковь следует понимать, *к кому и зачем* он туда идет. К Христу. За спасением. А иначе незачем в Церковь идти.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ. ИСПОВЕДЬ

Самая первая исповедь не стала для меня чем-то значимым. Так, к сожалению, бывает нередко. Я стоял в большом храме, вокруг было очень много народа, длинная очередь на исповедь... Естественно, я волновался. Но мало-помалу собрался, что-то рассказал священнику, не сообщив при этом, что исповедуюсь впервые. Он мне что-то ответил. Я отошел. Не очень понимая, что же со мной произошло и зачем все это было надо.

Где-то через год я оказался на стажировке в США. И там познакомился с общиной, основанной потомками русских эмигрантов. Община хранила традиции, искоренявшиеся в России после революции. Эти традиции восходили к последним духовникам Оптиной пустыни, к людям, их окружавшим и любившим. Некоторое время я просто общался с членами общины, разговаривал с их священником. Я видел, что мои новые знакомые молятся, исповедуются, причащаются. Но при этом никто из них — ни прихожане, ни священник — не подталкивал меня, не советовал подойти к исповеди.

Однажды я сам решил это сделать. При этом, как порой полагают неофиты, я считал, что рассказывать священнику можно далеко не обо всем, потому что есть вещи, о которых и говорить-то стыдно. Переполненный комплексами и сомнениями, готовый только к такой вот «полуисповеди», я пошел к священнику. Рассказал ему о чем-то — и замолчал. Священник тоже молчал какое-то время, а потом стал называть те мои грехи, говорить о которых я не собирался. Он называл их совершенно точно, хотя говорил очень деликатно, как бы вместо меня… Я заплакал. Заплакал, быть может впервые ощутив всю тяжесть греха, которая человека может раздавить… И вдруг услышал, что рядом кто-то всхлипывает. Священник плакал вместе со мной.

Здесь, наверное, правильно было бы поставить точку, потому что невозможно передать словами то, что я тогда чувствовал. Скажу только, что после этого значение новозаветных слов *«плачьте с плачущими»* (Рим 12:15) перестало быть для меня фигурой речи и метафорой.

...Человек легко растождествляет себя и свой поступок, не испытывая при этом никакой ненависти к совершенному греху. То есть мы попросту вроде бы прощаем себя. Но сами. Без покаяния. А исповедь нужна, потому что на самом деле мы сами себя простить не можем — только обмануть...

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ. РАЗБОЙНИК

В таинстве покаяния человек исповедует перед Богом, что осознает греховность своих поступков (а также слов и мыслей), что он ненавидит эти поступки и просит Бога, с учетом, так сказать, обстоятельств, не ставить знак равенства между ним, человеком, и его поступками. При условии такого обращения Господь всегда говорит человеку «да». Ведь почему православные христиане уверены, что они получают прощение? Именно потому, что Бог никогда не отождествляет человека с его поступком. Знак равенства между собой и своим грехом может поставить только сам человек — точнее, тот, кто на самом деле не желает от греха отказаться.

Это очевидное для многих неочевидно. Часто можно услышать: «Как ты можешь общаться с человеком, который то-то и то-то совершил?!» Мы сплошь и рядом не проводим этого растождествления и ставим на человеке крест, смешиваем человека и его поступок, увеличивая всеобщую взаимную неприязнь. Но Бог, в отличие от нас, так осуждающих ближних, всегда — при условии упомянутого искреннего обращения — человека и поступок разводит.

Вспомним первого человека, которому в евангельской истории были сказаны слова: *«ныне же будешь со Мною в раю»* (Лк 23:43). Евангельского разбойника, одного из распятых рядом с Христом. К этому эпизоду обращаются очень часто, но, вероятно, из-за этой частоты нередко перестают задумываться: а в чем, собственно, его смысл? Ведь речь идет о разбойнике, преступнике — человеке, совершившем за свою жизнь огромное количество плохих, ужасных поступков, грехов. И, может быть, кроме вопля: *«Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!»* (Лк 23:42), ничего хорошего в жизни он не совершил. Почему же разбойник получает прощение? Наверное, потому, что он действительно покаялся — отказался от своей греховной жизни, совершил «перемену ума», пытаясь хотя бы перед самой смертью порвать со своими поступками. Он не притворяется и не играет — потому что на кресте нельзя ни притворяться, ни играть. Он искренне ненавидит свои грехи, он не хочет быть таким, каким был раньше, — иначе он не посмел бы обращаться к Христу с просьбой вспомнить его. Таким и должно быть покаяние, приносимое нами Богу в таинстве.

Конечно, то, что более-менее понятно на бумаге, не так легко воплотить в жизни. Тем более что очень просто попасться в ловушку: человек легко растождествляет себя и свой поступок, не испытывая при этом никакой ненависти к совершенному греху. То есть мы попросту вроде бы прощаем себя. Но сами. Без покаяния. А исповедь нужна, потому что на самом деле мы сами себя простить не можем — только обмануть.

из архива службы коммуникаций ОВЦС

Тайна Того, Кто

текст: митрополит иларион рисунок: марина козловская

Митрополит Иларион делится с читателями «РП» тем, что у него накипело, и выясняется, что у иерарха РПЦ в душе кипит многое и о многом, и до сих пор не улеглось, и все это — о вере. Он предлагает поверить нам, что Бог никогда не обижается на нас, даже когда мы Его обижаем. А мы — верим.

СЕГОДНЯ много пишут и говорят о вере. Но что такое вера? Часто говорят: я верю в добро, я верю в светлое будущее, я верю в человека. Между тем для христианина вера — это не просто убежденность в том, что существует Бог, добро, высокие нравственные принципы. Вера — это образ жизни. И еще вера — это путь. Тот путь, по которому Бог и человек идут навстречу друг другу. Первый шаг на этом пути делает Бог, всегда и безусловно верящий в человека. Робкие шаги человека к Богу являются встречными шагами. Человек не пойдет по пути веры, пока Бог не заронит в его душу стремление к познанию истины и к тому изменению образа жизни, которое на церковном языке называется покаянием.

Наша жизнь — это движение, непрерывное развитие, стремление вперед без передышки и отдыха. Мы постоянно движемся, спешим, стремимся чего-то достичь в этой жизни. Но в какой-то момент надо остановиться, чтобы перевести дыхание, чтобы услышать зов Бога и оказаться лицом к лицу с тайной, которая превыше всего твоего земного существования. Это тайна Того, Кто создал тебя и Кто думал о тебе тогда, когда тебя еще не было на свете.

Для каждого человека — религиозного или атеиста, христианина или нехристианина — земная жизнь — это движение к смерти. Что может спасти нас от смерти? Только Его любовь, которая, победив смерть, обновила нашу человеческую природу и отверзла вновь врата рая. Любовь Бога к миру дает жизнь миру, и любовь, которой обладает человек, дает жизнь всему человеческому обществу — как в масштабе семьи, так и в масштабе вселенной. Любовь — это то, что человек вынес с собой из рая. Жизнь не прекращается после смерти, и любовь хранит в себе некую тайну, что отделяет царство смерти от царства любви. Античный миф об Орфее и Эвридике утверждает превосходство любви над смертью: именно любовь является источником убежденности в бессмертии души человеческой. А Священное Писание сравнивает любовь со смертью: «Крепка, как смерть, любовь» (Песн 8:6).

Тяготение к Божественному присуще всякому человеку. Религиозное чувство по существу

своему непостижимо для разума, ибо его источник — Сам Бог. Его зов подобен стреле, которой Он, как опытный охотник, ранит душу человека. Душа того, кто ощутил этот зов, становится одержимой горячим влечением к Богу.

Бог — не просто некая высшая сила. Это Живое существо, личность. Его можно любить, с Ним можно общаться, разговаривать. Молитва — это наш разговор с Богом, это труд и радость от живого опыта общения с Предвечным, для Которого ты, песчинка в океане вселенной, — величайшая драгоценность.

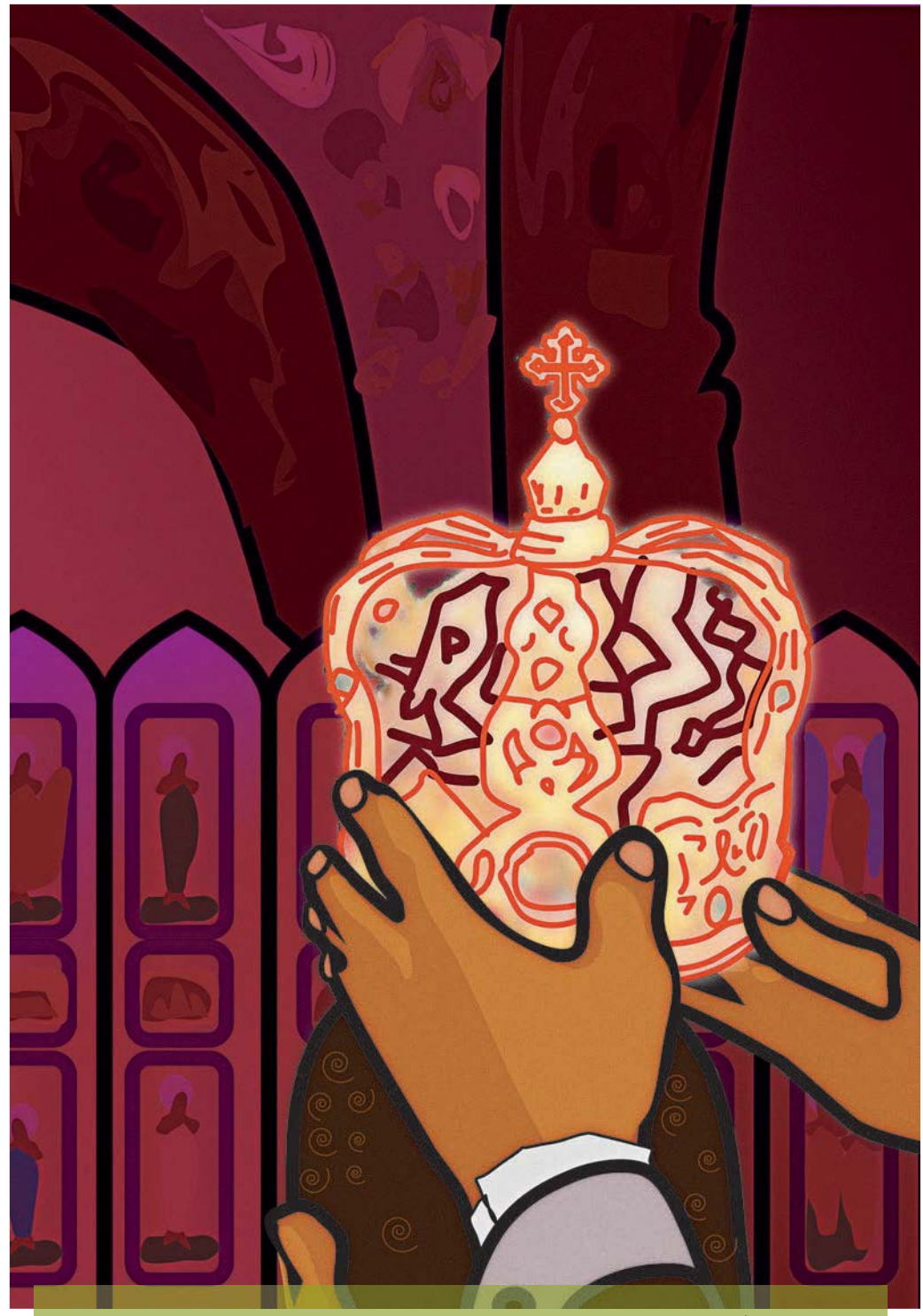
В молитве мы общаемся с Богом так же, как общаемся друг с другом. И мы получаем от Него ответ, ведь молитва — это не улица с односторонним движением. Бог всегда хочет, чтобы мы входили с Ним в личное общение, чтобы мы узнали Его непосредственно. Через это общение мы также открываем нечто новое о самих себе, ведь по-настоящему узнать себя можно, только общаясь с «Другим».

Общение с Богом сродни общению с любимым человеком. Подобно тому как влюбленный постоянно думает о любимой девушке, стремится к встрече с ней, а расставшись, начинает ждать следующего свидания, так и верующий человек просыпается с мыслью о Боге и засыпает с ней. «Кто удостоился вкушения Божественной любви, тот из-за сладости ее обычно забывает все», — говорит преподобный Исаак Сирин. Идущий по пути веры уповает на преображающую силу любви, ищет способы открыться этой любви, дать ей поглотить себя.

Этот путь иногда называют мистическим, имея в виду таинственный характер религиозного опыта. Сама вера — это тайна и таинство. Как говорил Бердяев, «христианство — мистика внутреннего человека». Среди шума и круговорота дел, событий, впечатлений люди слышат в своем сердце таинственный Божий зов. Этот зов, может, не всегда отождествляется с идеей о Божестве и субъективно нередко воспринимается просто как некая неудовлетворенность, внутреннее беспокойство, поиск. Но если остановиться, прислушаться и отозваться, может произойти та самая великая перемена в жизни человека, которая называется покаянием.

Человек не может жить без пауз, и в суете повседневной жизни надо непременно находить минуты для того, чтобы побыть с Богом наедине. Надо помнить, что Бог всегда готов к общению с нами, только мы не всегда готовы к общению с Ним. Он всегда нас ждет и о нас помнит, даже если мы забываем о Нем. И Он всегда нас любит, даже если в нас не хватает любви к Нему и друг к другу.

И еще: Он никогда не обижается на нас, даже если мы оскорбляем Его своими делами, словами, мыслями. Любовь Божия безгранична, она покрывает все наши грехи и недостатки. И в любой момент, когда мы захотим обратиться к Богу и покаяться, Он примет нас с распростертыми объятиями, как отец из притчи принял своего блудного сына.

...Для христианина вера — это не просто убежденность в том, что существует Бог, добро, высокие нравственные принципы. Вера — это образ жизни. И еще вера — это путь...

orlova

Симпатизирующий

текст: иван охлобыстин рисунок: наташа монастырская

Вообще-то, каждая колонка Ивана Охлобыстина, написанная для «РП», может считаться колонкой верующего человека про веру, но повторов не будет: Иван Иванович всегда найдет новые слова на вечную тему.

Я ВЕРЮ В БОГА!

Ничего меня не убедило, ангела не встречал, в тонких снах — хаос, но я верю в Бога!
Если вера моя будет с горчичное зерно, то я смогу менять ландшафты. Пока не могу.
И, как подсказывает опыт, в этом вопросе еще никто не отличился. Поэтому то, что я вкладываю в слова «верю в Бога», прежде всего означает: я истово, больше всего на свете хочу верить в Бога. Если это произойдет, то я сделаю посреди Сибири два новых моря, почищу океан, верну Гольфстрим на место, поменяю в США президента, на «посмышленее», чтобы от Европы паразиты отлепились. Европа от них задыхается. Но Европа сама виновата — научила на свою голову. Вот ей с Россией не жилось?!
Что еще сделаю — найду в себе силы и раскаюсь в своих грехах, чтобы с чистой душой общаться с людьми. Хотя и сейчас, слушая их исповеди, изумляешься — как будто это ты сам. В обстоятельствах, естественно.
И сам себе совет даешь, и сам за себя грехи отпускаешь.
Если вы понимаете вообще — о чем я.
По личному опыту, тактильным ощущениям это похоже на светлую, дикую усталость. Словно поднялся на вершину горы.
Жаль, что я не могу честно говорить о себе, что я верующий человек, но это того стоит.
Библейская лестница Иакова, наверное, состояла из подобных историй — историй прощеных душ.
Я окружен верующими людьми, их дело, почему они не меняют ландшафты, но они самые родные люди для меня. Каждый из них шедевр — Божье Творение! Примеров миллион, от раскаявшегося уголовника, севшего за другого, «чтобы паренек одумался и институт закончил», проститутки, родившей от финна ребенка-дауна и отдавшей всю свою жизнь этому ребенку, до унылого аристократа, 14 раз сыгравшего в «русскую рулетку», а на 15-й предложившего своей первой и единственной любви. Уступил даме. Она сразу выиграла.
Один — алтарник в тюремной церкви, где-то в русской глуши. Другая, потерявшая все-

таки ребенка, чистит полы в деревенской церкви под Красногорском! Третий служит настоятелем где-то в ташкентской епархии, кажется.

Всех их приютил Христос. И я был счастливым свидетелем этого Чуда Божьего!

Так что моя вера, наверное, все-таки не в видимом мире, а на уровне любви к людям. А как их не любить, если они такие же, как ты? Да, еще среди них был паренек из Славянска, который писал песни и последнюю посвятил святому Евгению. В песне паренек сетовал, что не сможет уподобиться Евгению, не снявшему крест и за это убиенному. Смог. Пошел в ополчение воевать с фашизмом, и его убили.

А у меня веры такой, видать, нет. Да и жена не отпустила. Я статьи только про веру пишу, а так… нет, Христовой Правды ради, я не могу себя назвать по-настоящему верующим человеком!

Симпатизирующий слабак.

Прости, Господи!

из личного архива

Как проступает Бог

текст: иван юркович

Апостольский нунций в Российской Федерации Иван Юркович, размышляя в своей колонке для «РП» о противоречиях между опытом Божьей любви и Его незримостью, приходит к выводу, что нет, конечно, никакого противоречия, а есть ужасающее человеческое одиночество, которое надо помочь засеять.

ОБЫЧНО мы ставим кувшин в центре стола — чтобы он не разбился с краю.

Есть вопросы, отвечать на которые душа инстинктивно опасается, — чтобы не расплескать святое, чтобы сокровенное не разбилось, столкнувшись с очевидностью здравого смысла. Такого рода вопрос опыта личной веры.

При этом, размышляя и вспоминая, понимаешь, что, скорее всего, в твоем индивидуальном должно быть много общего с людьми, имевшими счастье родиться и расти в семье с сильными религиозными традициями. Такой была и остается моя семья, исповедующая веру с той естественностью и простотой, которые я помню с первых лет жизни. Вера не просто как способ сообщения между людьми, но воздушная смесь любви, вдыхая которую ты выдыхаешь отношения добра. Моя родная словенская деревня Кочевье как раз и была таким местом веры — не абстрактной, но проявлявшейся в мировидении и мироощущении каждого из нас.

Особенно мне запомнился случай из раннего детства, связанный с Рождеством. Как, наверное, и в России, в Словении Рождество для ребенка — это и предощущение чуда, и ожидание простого конкретного доказательства присутствия Бога в жизни — попросту говоря, ожидание подарка. Мы жили тяжело — это сейчас я понимаю, что мы жили тяжело, — но тогда «воздушная смесь любви», в которой было сложно отделить любовь Бога от любви матери, все равно окрашивала ощущение жизни палитрой покоя и счастья. Тем не менее когда неожиданно я получил в подарок коробку конфет, то почувствовал себя обладателем «сокровища». И первое желание было — чтобы мое осталось моим. Но через короткое время ощущение обладания перестало быть ощущением счастья. И когда возобладало желание поделиться моим сокровищем с другими детьми, я, вероятно, впервые узнал настоящее счастье — это когда счастливы многие, когда счастье, сверкающее из многих детских глаз, умножается больше, чем в геометрической прогрессии. Оглядываясь назад, могу сказать, что в моей жизни это был первый простой, но осознанный поступок, продиктованный верой. В христианской общине Кочевья прибавился новый маленький чело-

вечек, счастливый от возможности делиться и помогать ближнему.
Позже меня поразило, как точно этот феномен ощутил человек совершенно другой, последовательно городской, петербургской культуры — Иосиф Бродский:

«В деревне Бог живет не по углам,
Как думают насмешники, а всюду.
Он освящает кровлю и посуду
И честно делит двери пополам.
В деревне Он — в избытке».

Этот «избыток», естественно, поставил выбор веры в Бога в центр моей жизни, заняв пространство, внешне невидимое, придав форму мышлению и поведению. Невидимый Бог отбрасывает многомерную тень — предопределенности Веры, расположенности Надежды и самовыражения Любви.
Много позже я понял, что каждый отдельный опыт веры является одновременно опытом радости жизни по Евангелию. Фундаментальное евангельское утверждение «Бог есть Любовь» проявляется даже в самых несовершенных делах любви, которые мы совершаем. Более того, мы совершаемся как личность в этих простых, но искренних поступках. Христианский поступок — это когда ты поступаешься своим благом ради блага ближнего, и Бог проступает сквозь твое несовершенство во всей Своей красоте. Позже я нашел подтверждение своим мыслям у Бродского:

«Каждый пред Богом наг —
Жалок, наг и убог.
В каждой музыке Бах,
В каждом из нас Бог».

Отдельная составляющая опыта веры — опыт сомнений. Он неизбежен в период личностного взросления. Изучая философию и богословие в семинарии, я с радостью и удивлением прочел у блаженного Августина, что сомнение — это неотъемлемая часть человеческого познания, что, сомневаясь в чем-то, мы таким образом делаем реальным предмет, в котором сомневаемся. Значит, те сомнения, через которые мне, как и многим, пришлось пройти, были не просто испытанием моей веры, не только происходили под влиянием атеистической пропаганды в школе, которая была достаточно сильной

…Христианский поступок — это когда ты поступаешься своим благом ради блага ближнего, и Бог проступает сквозь твое несовершенство во всей Своей красоте…

у меня на Родине, так же как и в Советской России. Впрочем, в значительной степени мои сомнения тогда сводились к вопросу достоверности опыта: только то, что материально, — реально, а остальное — изобретения человеческого ума. Это кажущееся противостояние опыта Божьей любви и Его незримости, которая, как иногда кажется, не может быть подтверждена опытом, отметил и Бродский:

«Бог сохраняет все; особенно — слова
Прощенья и любви, как собственный свой голос.
В них бьется рваный пульс, в них слышен костный хруст,
И заступ в них стучит, ровны и глуховаты.
Затем что жизнь одна, они из смертных уст
Звучат отчетливей, чем из всемирной ваты».

Современная культура, находящаяся под большим влиянием позитивизма, интерпретирует духовную, в том числе и религиозную, сферу именно как «всемирную вату», таким образом расчеловечивая человека, делая его действующим лицом исключительно материального мира. В моем случае сомнения, носившие абстрактный характер, разбивались об отношения любви, в которые я окунался, возвращаясь домой. Сомнения оказывались ненастоящими — на фоне настоящей человеческой любви. Одновременно мне помогло изучение химии, которой я тогда занимался, а также мой интерес к астрономии, который до сих пор не иссяк. Помню, как, открывая для себя законы природы, я понимал всю величественную сложность организации Вселенной и загадочность ее происхождения и предназначения. Не только я, но и многие ученые и мыслители, занимавшиеся естественными науками и астрофизикой, были верующими людьми. Для многих очевидно, что Бог разговаривает с человеком удивительной гармонией, недостижимым совершенством мира природы. Кстати, не многие знают, что папа Пий XI был астрономом-любителем и в его скромнейшем рабочем кабинете в Ватикане до сих пор стоит телескоп, а папа Пий XII опубликовал несколько статей по астрономии.
Эти размышления, полагаю, естественно привели меня к выбору священства, поскольку, по моему убеждению, только в Церкви возможно найти ответ на многие озабоченности в жизни человека и общества. Для меня это стало своего рода продолжением того рождественского эпизода — отдавать и отдаваться другим, стараться быть полезным многим, светом Христовой любви засеивать мрак человеческого одиночества, несчастья и несправедливости.
И — как, думаю, очевидно — с самого начала жизни Бог очищал и просвещал меня в пространстве великой европейской культуры, неотъемлемой, привилегированной частью которой является культура русская. Русская культура по своей природе — христианка. Ей предназначено Богом апостольство добра и любви. Она стала драгоценной частью и моего опыта веры. Поэтому хочу завершить размышления прекрасными строками Бориса Пастернака:

«Как будто внутренность собора —
Простор земли. И чрез окно
Далекий отголосок хора
Мне слышать иногда дано.
Природа, мир, тайник Вселенной,
Я службу долгую твою,
Объятый дрожью сокровенной,
В слезах от счастья отстою». рп

итар-тасс

Антигравитация

текст: юрий шевчук рисунок юлиан маркаров

Юрий Шевчук написал самую лаконичную колонку в номер на тему «Вера». Ничего лишнего. Только по существу. Только ключевые слова — как подобает поэту.

ВЕСОМ СВОЕГО ТЕЛА, гравитацией я прибит к земле, к материи разнообразного качества и вида. Ем ее, сижу на ней. Сплю в ее объятиях. Уныло перемещаюсь. Живая и неживая она — это я, это все окружающее, любовно и жестко сковавшее нас во времени и пространстве. Тонны атмосфер давят с первой секунды нашего рождения. Потом материя дарует нам синяки и ссадины, если мы не успеваем вовремя увернуться от ее острых углов, железа и кулаков с матерными словами войны. Конечно, она радует, особенно когда ее прибавляется в карманах и на счетах в банках. Как приятны ее прикосновения холеными южными ночами… Но все равно в последнюю секунду последнего дня она заваливает нас черной и бурой плотью своего безразличия. Поглощая и растворяя в себе.

Вера — единственное, что может с нарисованным выше бредом поспорить. Помогает дышать, наплевав на законы притяжения.

наталья львова

Подчинение без доминирования

текст: юрий каннер

Президент Российского еврейского конгресса Юрий Каннер сообщает читателям «РП», что у евреев с Богом отношения хоть и подчиненные, но родственные, домашние и что для общения с Ним не надо ходить в церковь, потому что все исконные места еврейского Бога давно заняты мечетями, вот еврейский Бог и бомжует. И это только начало колонки.

ПЕРВАЯ АССОЦИАЦИЯ, когда я слышу слово ВЕРА, — это моя покойная теща. Не замечал, чтобы она особенно соблюдала обрядовую сторону веры, но она была очень правильным человеком, кристальной честности, порядочности, бескорыстной и очень преданной. Одна из моих внучек носит ее имя.

У евреев с Богом отношения хоть и подчиненные, но родственные, домашние.

Он не следит за нами со своих портретов в красном углу. На встречи с Ним нам не надо идти в церковь. Последний дом, который мы выстроили для Него, разрушен римлянами еще в глубокой древности. Мы его, конечно, надеемся восстановить, но вот уже 1944 года прошло — и все никак. Место, где он стоял, давно занято мечетями, а другое нам не подходит, вот и остается наш Бог бездомным, бомжует из-за нашего упрямства.

Дома молитв — синагоги — мы строим и благоустраиваем не для Него, а для себя. На иврите синагога — «бейт кнессет», что значит «дом собраний», и не более того. Это не храм, а клуб. Евреи не нуждаются в посредниках для общения с Всевышним, у раввинов совершенно другая функция.

Наш народ изначально не столько этническая, сколько религиозная общность — так возник и за счет этого сохранился в рассеянии.

С точки зрения иудаизма считается, что неверующих евреев не бывает. Есть лишь соблюдающие заповеди (их в иудаизме 613, и известно, что соблюсти все до одной невозможно) и не соблюдающие их. О еврее, который приобщился к соблюдению заповедей в сознательном возрасте, говорят не «пришел» к вере, а «вернулся». Мол, каждый рожденный в лоне еврейской матери принадлежит к лону еврейской веры, а то, что не каждый это осознает и соответствует, — его личное и временное заблуждение. Блудный сын может уйти из дому, блуждать и даже блудить, но членом семьи остается, и дом его — еврейский, а значит — религиозный.

Такое каноническое определение может показаться довольно странным и далеким от реальности — особенно нам, русским, бывшим